

Викентий Вересаев

Анна Владимировна

Викентий Викентьевич Вересаев
Анна Владимировна
Серия «Невыдуманнные
рассказы о прошлом»

Аннотация

«Ей двадцать пять, двадцать шесть лет. Худошавая, – больна чахоткой, но этого не знает. Красивое лицо, но главная красота – огромные, лучистые глаза, наивные и невинно-наглые. Дочь жандармского генерала, давно умершего. У нее хорошенькая дочка Муся, лет семи, неизвестно от кого. Сейчас при ней состоит сосед по комнате, студент Макс с масляными глазами. Как дочь жандармского генерала, получает пенсию – тридцать два рубля в месяц. Но главный источник доходов – всяческие пособия, которые она умеет выхлопывать как первейшая артистка в подобных делах...»

Викентий Вересаев

Анна Владимировна

(Пунктирный портрет)

Ей двадцать пять, двадцать шесть лет. Худошавая, – больна чахоткой, но этого не знает. Красивое лицо, но главная красота – огромные, лучистые глаза, наивные и невинно-наглые. Дочь жандармского генерала, давно умершего. У нее хорошенькая дочка Муся, лет семи, неизвестно от кого. Сейчас при ней состоит сосед по комнате, студент Макс с масляными глазами. Как дочь жандармского генерала, получает пенсию – тридцать два рубля в месяц. Но главный источник доходов – всяческие пособия, которые она умеет выхлопывать как первейшая артистка в подобных делах.

Пушки Петропавловской крепости гремят над Петербургом: царица разрешилась от бремени. Оказалось – опять дочерью, но сначала слух прошел, что – долгожданным сыном.

Анна Владимировна сидит у стола и, торопясь, пишет прошение.

– Что это вы пишете?

– Прощение министру императорского двора. О пособиях. Вы слышали? У царя родился сын.

– Так вы-то тут при чем?

– Должен же он быть рад, что у него наконец сын родился. Отчего ему на радостях не отпустить мне триста рублей, – что ему стоит?

– Надела я свою министерскую кофточку...

– Министерскую?

– Да. У меня такая кофточка есть, чтоб ходить по министрам: скромная, в три складки. Выглядит бедно, но благородно. Чтоб их разжалобить... И я министру Витте прямо сказала: «Вы черствый человек, вы сухой человек, наверно, вас никогда ни одна женщина не любила! И, наверно, вы всю жизнь пили только молоко и кипяченую воду!» Через неделю опять пошла к нему на прием. А он не велел меня больше записывать. Я все-таки в залу проскользнула. Прием большой. Вызывают степного генерал-губернатора Духовского. Маленький и толстый, как лампа. Живот – вот такой. Я бросилась к двери, а дверь узенькая. Я с его животом и столкнулась. Он, конечно, воспитанный человек, уступил мне дорогу. Витте меня увидал: «Опять вы?!» – «Опять я!» Плюнул и подписал на моем прошении резолюцию: «Выдать просимое пособие».

– Ужасно не люблю непроизводительных расходов.

– Каких, например?

– Калоши покупать, зубы пломбировать, платить за квартиру.

– Какие же расходы производительные?

– Ну... в оперетку поехать, коробка конфет хороших. Бутылка шампанского.

– Люблю много на чай давать.

– Ну да... все-таки, – рабочие люди...

– На это мне наплевать. А чтоб была любовь и готовность.

Ужасно люблю, чтоб меня кругом все любили.

– Терпеть не могу работать. Когда уж ничего добывать не смогу, пойду туда, где пенсию получают старушки. Всякая, как получит деньги, с удовольствием даст.

Свою дочку Мусю отдала на казенный счет в балетную школу.

– По крайней мере, будет нравиться старичкам. Пускай балериной будет. Можно хорошую партию себе устроить.

– Это лето мы жили в Уфимской губернии у Мефодия Егорыча. Ничего нет, только семь тощих собак на дворе. Скука; есть нечего, только одни яйца. Муся ходит по комнатам и твердит: «Не бойтесь, Мефодий Егорыч, я вас не боюсь!» Такой дурак этот Мефодий Егорыч! Я разденусь, лягу спать, – он придет ко мне в спальню и сидит. Целует руки и не хочет уходить. Говорит: «Ведь жарко, зачем вы в одеяло кутаетесь?» А денер нет у меня, выехать не на что. Приехал

становой описывать имение, я у него двадцать пять рублей заняла...

Общий хохот. Она недоумевающе оглядывает всех своими ясными глазами.

– Чего вы смеетесь?

– Несимпатичный он!

– Нет, он красивый!

– Макс! Кто председателем суда в Полтаве?

– Я почему знаю!

– Вот дурак, ничего не знаешь!

– Он мой друг и очень большой негодяй.

– Я, когда градусником меряю, – вижу, что к тридцати девяти подходит, – поскорей выдергиваю. Боюсь, вдруг сорок градусов окажется. Страсть боюсь, когда сорок градусов температура.

– Жена доктора очень меня ревнует. А сама красная и глупая, как пион. Сцену мне устроила, дурища такая. Я нарочно ухожу и говорю: «Миленький доктор, прощайте!» – и чмок его в щеку!

– Нет, к другому доктору не хочу. Вдруг он мне скажет:

у вас чахотка. Ведь есть такие жестокие доктора.

Я как-то захандрила, говорю Макс: «Наверно, у меня чахотка!» А он, дурак такой: «Что ты! У чахоточных бывает необыкновенный блеск в глазах и по ночам поты». Ушел он, я подошла к зеркалу, – у меня в глазах фосфорический свет, клянусь вам богом! И всю ночь так трясло, – от постели поднимало. Чуть у меня от страха не сделалась белая горячка!

– Нет, я не хочу умирать. Гробы всегда такие узкие!